

ДВЕ ВОЙНЫ В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИИ

Статья посвящена анализу эволюции оценочных суждений французских историков и политиков режима Виши, существовавшего во Франции во время Второй мировой войны, и войны в Алжире периода Четвертой и Пятой республик. Показано, как постепенно, благодаря инициативам французских президентов, из закрытых и запретных тем, о которых историки не писали и которые не изучались в школе, режим Виши и Алжирская война стали предметом дискуссий в научном сообществе и удостоились критической переоценки роли Франции

Ключевые слова: официальная точка зрения, мифы и реальности, общественное мнение, позиция интеллигенции, дискуссии в учебниках и научной литературе.

Об авторе: Канинская Галина Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. Россия, 150000, г. Ярославль, ул. Советская, 10, Исторический факультет, kaninsk6@mail.ru.

Когда кончаются войны, то сначала в дело вступают дипломаты и политики, чтобы урегулировать мир, а затем приходит черёд историков, призванных интерпретировать события. И редко бывает так, чтобы этот процесс интерпретации проходил гладко и устраивал общество в целом. Франция – не исключение, а скорее подтверждение вышесказанного, и иллюстрацией могут послужить дискуссии о правительстве Виши и об алжирской войне, развернувшиеся в мире историков и расколовшие французское общество, как это уже неоднократно бывало, на два противоположных лагеря.

Проблема первая – время Вишистского режима – относится ко времени Второй мировой войны, а точнее – времени оккупации Франции Германией в 1940–1944 гг. Проблема вторая – война в Алжире – пришлась на последние годы Четвёртой и начало Пятой республик: 1954–1962. Несмотря на всю свою несхожесть, эти события роднит тернистый путь их интерпретации поли-

тиками, учёными и рядовыми гражданами. Остановимся на каждом из драматических периодов истории Франции по порядку.

Режим Виши.

Не вдаваясь в подробности, напомним, что, объявив войну гитлеровской Германии 3 сентября 1939 г., Франция проиграла «битву за Францию» стремительно, за 47 дней, в течение 10 мая – 25 июня 1940. «Дурацкая война», – так сказал о ней А. де Сент-Экзюпери, сражавшийся в небе над Аррасом¹.

22 июня Германия объявила Франции драконовские условия перемирия, одним из которых было расчленение Франции на две части, на территории одной из которых, включавшей две трети от общей площади страны на севере и западе, устанавливался немецкий оккупационный режим, а южная часть и колонии сохраняли суверенитет и оставались под властью правительства Петэна. Весьма унижительным моментом в ходе заключения франко-германского перемирия было то, что стороны договаривались о нем в том же самом месте, в Компьене, где 11 ноября 1918 г. французы продиктовали условия капитуляции Германии после окончания Первой мировой войны. Окончательно соглашение о перемирии вступило в силу 25 июня, после того, как 24 июня в гораздо более скромной обстановке и на более скромных условиях Франция подписала соглашение о перемирии с Италией.

Заклучению перемирия предшествовали трагические для Франции дни. 13 июня, когда страна находилась в шоке от прорыва немцами линии фронта в районе Сомм, маршал Ф. Петэн, который был героем Первой мировой войны и участником того самого Компьенского перемирия с Германией 11 ноября 1918 г., предрекая французам государственный переворот со стороны коммунистов и критикуя правительственный проект поли-

¹ Цит. по: 1940, la débâcle et l'espoir // Le Monde hors-série. 2010. P.17.

тического союза Франции с Великобританией, хотя и назвал его «женитьбой на покойнице», будучи уверенным, что долго Англия одна не продержится перед гитлеровским натиском, потребовал наведения в стране порядка и немедленного заключения перемирия с врагом для того, чтобы французская армия смогла предотвратить мнимый коммунистический заговор. Ф. Петэн решительно отказался покинуть Францию. По мнению его и его соратников, продолжение войны в колониях неминуемо привело бы Францию к капитуляции и прямому управлению страной из Берлина. Уверенные в предстоящей победе фашистской Германии в войне, они надеялись таким образом сохранить за Францией достойное место в будущей «коричневой Европе». Их курс на восстановление в стране порядка путем немедленного выхода из войны победил, и дни существовавшей в то время во Франции Третьей республики оказались сочтены.

Но были и другие французы. 18 июня, по радио из Лондона позвучал иной призыв к французам и французкам – призыв генерала де Голля присоединиться к нему ради продолжения борьбы с Германией и национального возрождения Франции. Де Голль категорически осуждал идею перемирия и, находясь в Лондоне, отлично осознавал, что на тот момент на территории самой Франции не было такого человека, который смог бы воспрепятствовать этому акту. Более того, немногие жители Франции в тот же день смогли услышать этот голос из далекой Англии. Большинство их предпочло доверить свою судьбу «спасителю Петэну», пообещавшему гражданам национальную революцию.

Одним из первых актов нового главы французского государства на пути к этой революции стал запрет от 20 июня членам правительства и парламента покидать страну и отправляться в Северную Африку. Лишь 27 парламентариев отважились нарушить этот запрет и 21 июня отплыли на пароходе «Массилия» в Марокко, чтобы продолжить борьбу с врагом в колониях. Однако генеральный резидент Марокко и по совместительству

командующий армией Северной Африки генерал Ногэ отнюдь не обрадовался прибывшим, так как полностью разделял позицию Петэна. Поэтому акция «пассажиров Массилии» превратилась в их личное дело, и, кроме того, имена «беглецов» стали удачно эксплуатироваться Петэном для нападков на Народный фронт, многие лидеры которого были арестованы.

Выступая по радио с заявлением о перемирии 25 июня, маршал Петэн многообещающе провозгласил начало нового порядка. А в заключение он добавил: «Наше поражение стало результатом нашей распущенности. Состояние вседозволенности разрушило все, что было создано духом жертвенности. Поэтому я призываю вас в первую очередь к интеллектуальному и моральному возрождению»². За этой патетикой Ф. Петэна отчетливо вырисовывался образ виновников поражения Франции – правительства Народного фронта с его 40-часовой рабочей неделей и национализацией, саботажников-коммунистов, пацифистов, парламентариев, а в более широком измерении – Республики. Так легитимировалась необходимость замены этой Республики новым режимом. Случилось то, что было так типично для Франции: всякий раз после военных поражений менять политический режим.

Датой рождения режима Виши можно считать 1 июля 1940 г., когда перебравшееся в находившийся на не оккупированной территории город Виши правительство Петэна добилось от президента Франции А. Лебрюна согласия на созыв внеочередного заседания обеих палат парламента. 670 делегатов смог разместить лишь театральный зал кабаре, куда они и съехались 9 июля. Бывший глава правительства Народного фронта Л. Блюм назвал все происходившее ужасным спектаклем. Драма с исчезновением Третьей республики разыгрывалась в трех актах. В первом – утром 9 июля – было предложено депутатам проголосовать за предложение

² Цит. по: *Azéma J.-P.* 1995. 1083.

правительства Ф. Петэна об изменении Конституции. Результат был таким: 395 – «за» и 3 – «против». Второй акт начался после обеда предложением сенаторам высказаться по тому же вопросу. И на этот раз итог голосования говорил сам за себя: 229 сенаторов сказали Петэну «да» и только 1 ответил отрицательно. Третий акт, во время которого, по меткому выражению сенатора-социалиста Ж. Поль-Бонкура, парламентарии «совершили коллективное хакири», наступил на следующий день. Открывший заседание 10 июля председатель Сената Ж. Жанненэ предоставил слово для оглашения новой Конституции недавно назначенному Петэном вице-премьеру П. Лавалю. Текст ее состоял всего из одной статьи, в которой речь шла о фактической передаче всей полноты власти Петэну и традиционный лозунг Французской республики «свобода, равенство, братство» заменялся петэнистской триадой: «труд, семья, отечество». Процедура голосования совершилась очень быстро, ибо шумно начатые дебаты были резко прерваны главой государства через четверть часа. В конечном итоге 570 парламентариев поддержали проект новой Конституции, 80 проголосовали против и 20 воздержались. Поддержка Петэна со стороны правых политиков была почти безоговорочной, тогда как левые составили 91% от общего числа противников и 80% – воздержавшихся. Оглашая результаты, П. Лаваль воскликнул: «Господа! От имени Петэна я благодарю Вас за поддержку Франции!» В ответ из уст радикал-социалиста М. Астье, только что отказавшего Петэну в доверии, тихо прозвучало: «Да здравствует все же Республика!»³ Но было поздно, Третья республика умерла, на смену ей пришел новый государственный порядок, получивший официальное название «Французское Государство», а по месту его рождения называемый чаще «режим Виши», в котором идея национальной революции тесно переплеталась

³ Azema J.-P. 1993, 113.

с политикой коллаборационизма – сотрудничества с нацистским режимом.

В то же время в Лондоне разгоралось пламя борьбы против фашизма, параллельно с ним на территории Франции также ширилось движение Сопротивления. В 1943 г. возник единый центр Сопротивления во главе с генералом де Голлем – Французский комитет национального освобождения (ФКНО), который вначале в свободном от немецкой оккупации Алжире преобразовался во Временное правительство. Под руководством де Голля и ФКНО французские антифашисты героически сражались на стороне союзников по антигитлеровской коалиции за освобождение своей страны.

Когда 25 августа 1944 г. столица Франции Париж была освобождена, во время торжественной церемонии, организованной по этому поводу Национальным советом Сопротивления (НСС) в здании столичной мэрии «Отель-де-Виль», собравшиеся попросили «спасителя Франции» председателя НСС генерала де Голля провозгласить Республику, из уст «самого знаменитого из французов» прозвучал сухой и категоричный отказ. «Республика, – отрезал генерал, – никогда не прекращала существовать. Режим Виши всегда был и останется ничем, его не существовало»⁴.

С того момента в коллективную память французов надолго врезалось «голлистское видение» истории своей страны в «мрачный период» 1940–1944 гг. Суть голлистской трактовки пережитых событий сводилась к утверждению о том, что большинство жителей страны, за исключением горстки коллаборационистов, участвовало в движении Сопротивления, а «марионеточное» правительство Виши было «немецким» и никоим образом не олицетворяло собой французское государство.

Правда, в 1954 г. французский историк Робер Арон в книге «Режим Виши» попытался частично изменить сложившееся представление, разделив вишистов на

⁴ Цит. по: *Azema J.-P.* 2012, 18.

«хороших» и «плохих»⁵. Первых он ассоциировал с именем главы правительства Виши – маршалом Петэном, а вторых – с премьер-министром этого правительства Лавалем. Однако, несмотря на то, что книга Р.Арона «вписала» вишистский режим во французскую историю, общий замысел ее автора все равно базировался на голлистской концепции принадлежности основной массы французов к движению Сопротивления, в которое инкорпорировались и «хорошие» вишисты.

Иными словами, получилось, что французы на время забыли, как в июле 1940 г. большая часть жителей курорта Виши, польщенная тем, что их красивый город превратился в политическую столицу Франции, ликующими возгласами приветствовала маршала Петэна, прогуливавшегося по парковым аллеям после мессы в доминиканской церкви Святого Людовика.

Первая попытка подвергнуть ревизии миф о «двух Виши» периода Второй мировой войны – петэновской и лавалевской – была предпринята американским историком Р. Пакстоном лишь спустя тридцать лет с момента происходивших событий. В 1973 г. вышла его книга «Франция в годы Виши»⁶, в которой он доказывал, что вишистское правительство возникло отнюдь не «по мановению немецкой палочки», а имело свои французские корни и свой собственный политический проект дальнейшего развития страны. Следовательно, французам надлежало признать, что режим Виши был французским, а не немецким. Работа Р. Пакстона не только обеспечила ему широкое признание в мировом историческом сообществе, но и пришлось на то время, когда на авансцене политической жизни во Франции появилось новое поколение граждан, прошедших через горнило майских бунтов 1968 г. и жаждавших пересмотра идеалов своих отцов.

⁵ Aron R. 1954.

⁶ Paxton R. 1973.

Показательным событием в этом плане стал выход в прокат в 1969 г. фильма «Жалость и грусть», в котором французское общество по большей своей части изображалось как коллаборационистское.

Между тем прошло еще как минимум 10 лет, прежде чем историки расширили исследовательское поле «на вишистской почве» по сравнению с Р. Пакстоном. Их акценты сместились от изучения «режима Виши» в сторону изучения «французского общества в годы оккупации и под властью правительства Виши». Такой поворот означал, что от выяснения характера франко-немецких отношений и функционирования институтов власти при режиме Виши специалисты обратились к анализу состояния гражданского общества в эти годы, уделив особое внимание положению различных социальных и культурных слоев.

Знаковым событием культурной жизни стал выход в 1983 г. комедии Ж.-М. Пуаре «Мой папа был в Сопротивлении», комедии жесткой, развеивающей миф о том, что все французы сразу были сопротивленцами. А политическая жизнь страны в 1987 г. была отмечена громким судебным процессом против бывшего шефа гестапо в Лионе Клауса Барбье, прозванного «лионским мясником» за участие вместе с нацистами в экзекуциях против евреев и содействие их отправке в Аушвиц. Барбье был приговорён к пожизненному заключению и скончался в тюрьме в 1991 г.

С этого момента историки начали более активно интересоваться «большим вопросом» – об антисемитской политике правительства Виши. Тем не менее, в июле 1992 г., выступая по случаю пятидесятилетия печальных событий на Зимнем велодроме Парижа, куда в 1942 г. правительство Виши согнало массу евреев, которых затем немцы отправили в концентрационные лагеря, тогдашний президент Франции социалист Ф. Миттеран отказался признать ответственность французов за Холокост. Глава госу-

дарства провозгласил, что «французская нация не была причастна к этой печальной акции правительства Виши»⁷.

Официальное признание ответственности Франции за Холокост последовало от президента-голлиста Ж. Ширака, пришедшего на смену Ф. Миттерану в 1995 г. А годом ранее прошёл второй «вишистский судебный процесс». Причём на этот раз перед судом за содействие в преступлениях против человечности предстал не сотрудник гестапо, а именно член правительства Виши, комиссар лионской полиции Поль Тувье. Ему также инкриминировали обвинение в выдаче евреев для отправки в концентрационные лагеря в 1942–1944 гг. и приговорили к пожизненному тюремному заключению, где он и умер спустя год.

С этого момента во Франции уже ни у кого не возникает сомнений по поводу «французской природы» режима Виши. В 1997–1998 гг. во Франции проходил ещё один нашумевший судебный процесс против Мориса Папона, бывшего во время Виши префектом Бордо и также причастного к выдаче евреев нацистам. Сначала М. Папона приговорили к пожизненному заключению. Но в 2002 г. его освободили из тюрьмы по состоянию здоровья. Затем в 2003 г. его лишили пенсии по старости. М. Папон обращался с жалобой на французских судей в Европейский суд по правам человека. Разбирательство тянулось до 2005 г., но не принесло ему успеха. Через два года, в 2007 г., в возрасте 96 лет он ушёл из жизни. Процесс М. Папона был знаменателен ещё и тем, что на нём впервые присутствовали специально приглашённые историки. В их числе были: тот самый американец Р. Пакстон, который первым написал о «французской природе вишизма» и французы Ж.-П. Азема и Ф. Бедарида, которые одними из первых обратились к проблеме «нового прочтения» режима Виши во Франции. Перу Ж.-П. Азема, в частности, принадлежит утвердившееся сегодня во французской историографии определение «вишисто-сопротивленцы». Суть его сво-

⁷ *Le Monde*, 21 janvier 1992.

дится к тому, что, преследуя одну и ту же цель – сохранить французскую национальность, – французы разошлись по разные стороны баррикад во время Второй мировой войны. Те, кто последовал за де Голлем и сразу встал под знамена Сопrotивления, твердо верили в то, что сохранить французскую нацию удастся, лишь не согнувшись перед противником. Хотя в июне 1940 г. многие из них, как де Голль, мыслили глобально и не предвидели, что предстоящая война будет мировой войной против фашизма и нацизма и что надо сражаться на стороне антигитлеровской коалиции.

Реакция основной части французов на военное поражение от Германии в июне 1940 г. была в определенном смысле «деревенской» (так определил её французский исследователь Алэн Бельтран в беседе с автором статьи 29 апреля 2010 г. – *Г.К.*). Под этим подразумевается, что в восприятии событий июня 1940 г. большая часть французов мыслила отнюдь не мировыми масштабами, отнесшись к поражению от немцев, как к обычному проигрышу в войне, коих было немало в истории франко-немецких отношений. Убеждены они были в том, что раз уж война закончилась поражением для родной страны, надо продолжать жить и работать, сотрудничая с победителями ради сохранения Франции и французской нации. Первоначально эта часть французских граждан поверила в то, что национальное возрождение, обещанное Петэнном, позволит им преодолеть врага, и таким образом превратилась в вишистов. К тому же особые надежды на национальное возрождение они связывали с тем, что в руках вишистской администрации сохранилось управление частью страны и главное – французской колониальной империей.

Однако постепенно, по мере эскалации войны и перерастания ее в мировую, а также, столкнувшись с усилением реакционных тенденций в политическом курсе правительства Виши и немецкой оккупацией 11 ноября 1942 г. всей территории Франции, такие вишисты примкнули к Сопrotивлению. Для них это был трудный

выбор. Некоторые открыто порвали с Виши и включились либо в подпольную борьбу бойцов Сопротивления на территории своей страны, либо нелегально перебрались к де Голлю в Лондон. Столь нелегкий путь проделала целая плеяда видных политиков и военных. Среди них, например, экс-президент страны Ф. Миттеран, возглавлявший в правительстве Виши министерство ветеранов войны, даже награжденный в 1943 г. за заслуги орденом Св. Франциска, но в том же году примкнувший к де Голлю в Алжире; генерал Ж. Латтр де Тассиньи, успевший побывать командующим вишистской армией в Тунисе, а впоследствии, в августе 1944 г., возглавивший французские освободительные силы во время высадки союзников на юге Франции; основатель и руководитель одной из первых подпольных групп Сопротивления во Франции «Комба» А. Френэ.

Подобные жизненные повороты и привели к закреплению за такими французами определение «вишисто-сопротивленцы». В 2008 г. о таких французах защитила под руководством известного историка С. Берстайна диссертацию, а затем опубликовала её в виде книги Б. Верже-Шеньон. Книга так и называется – «Вишисто-сопротивленцы с 1940 г. до наших дней»⁸. В ней повествуется о парадоксах и перипетиях французского национализма.

А Ж.-П. Азема по праву считается одним из авторитетных специалистов по истории Виши. Во-первых, он содействовал переводу книги Р. Пакстона во Франции и сам опубликовал свой первый труд под названием «Коллаборационизм 1940–1944» в 1975 г.⁹ Во-вторых, за последние сорок лет из-под его пера вышло немало книг и статей, продолжающих развивать эту тему. Ряд работ он написал в соавторстве с другими видными исследователями истории Второй мировой войны Ф. Бедарида,

⁸ *Vergez-Chaignon B.* 2008.

⁹ *Azema J.-P.* 1975.

О. Вевьёрка, А. Про¹⁰. В-третьих, что, на наш взгляд, очень важно, Ж.-П. Азема попытался внести свою лепту в воспитание подрастающего поколения, выпустив книгу «Объяснение оккупации моему внуку»¹¹.

Трудно перечислить всех авторов, которые наряду с зачинателями обратились к теме Виши с новых ракурсов. Появились труды о повседневной жизни французов в 1940–1944 гг., о положении женщин, о состоянии кино, театра и литературы, о действиях полиции и чиновников, о тех, кто наживался в годы войны. Публикации П. Лабори представили французское общество потерянными и колеблющимися, равно удаленным как от «розовой картины исключительно сопротивлявшейся Франции», так и от «черной картины Франции сплошь коллаборационистской»¹². Поток новых публикаций продолжается. Например, в прошлом году известный французский историк Марк Ферро опубликовал книгу «Правда о Пет-эне»¹³. Вышли «Чёрная книга коллаборационизма» и ещё несколько примечательных работ¹⁴.

Наконец, спустя пятьдесят лет муниципалитет Виши осторожно публично признал тот факт, что их город «служит местом памяти, в связи с которым во французском обществе до сих пор не утихают споры»¹⁵.

Причём стоит особо отметить, что своеобразную роль в трактовке Вишистского периода в истории Франции играет специфика лингвистических конструкций во французском языке. Так, если по-русски политика сотрудничества с оккупантами определяется одним словом – «коллаборационизм», то во французском языке слово

¹⁰ См., например: *Azema J.-P.* 1990; *Azema J.-P.* 2010; *Azema J.-P.* 2012; *Azema J.-P., Wiewiorka O.* 1997; *Vichy et les français.* 1992; *La France des années noires.* 1993.

¹¹ *Azema J.-P.* 2011.

¹² *Laborie P.* 1990.

¹³ *Ferro M.* 2013.

¹⁴ *Valode Ph.* 2013; *Salat-Barroux F.* 2010; *Delarue J.* 2013.

¹⁵ *Valode Ph.* 2013, 24.

«collaboration» употребляется, когда говорят о сотрудничестве правительства Виши с оккупантами, а словом «collaborationisme» характеризуют пронацистскую составляющую в идеологии вишистов. Поэтому в современной французской историографии встречается отношение к «вишисто-сопротивленцам» тех, кто практиковал «collaboration», но отвергал «collaborationisme».

Такой сегодня представляется французам история одного из трагических и мрачных периодов в их жизни. Можно сказать, что историки приложили максимум усилий для того, чтобы понять, простить, объяснить, но в то же время и сурово осудить своих соотечественников.

Алжирская война

Начавшись с восстания 1 ноября 1954 г., алжирская война была «последней крупной национальной драмой» страны, положив конец «национальной республиканской идее империи», вдохновлявшей французов со времен Революции 1789 г.¹⁶ Наряду с этим, она стала той отправной точкой, от которой, во-первых, начала отсчитывать историю нынешняя Пятая республика; во-вторых, закладывался фундамент под Красный Май 1968 г., существенно изменивший социокультурную экосистему страны; в-третьих, война заставила французское общество задуматься о собственной идентичности и суверенитете; в-четвёртых, на поверку выдвинулись традиционные республиканские ценности – свобода, равенство, братство; наконец, в-пятых, вновь, как это было не раз в истории Франции, в гуще событий оказалась интеллигенция, начавшая, говоря словами известного французского историка Жана-Франсуа Сиринелли, «войну петиций». Иными словами, «бои на информационном пространстве» начались во Франции практически в разгар войны.

¹⁶ La guerre d'Algérie et les français. 1990. 161, 184.

Причины войны наметились сразу же после Второй мировой войны, но уходили своими корнями в еще более ранние годы. Одна из них заключалась в статусе Алжира в составе Франции. Он состоял из трех департаментов: Алжир, Константина и Оран, которые управлялись министром внутренних дел Франции, как и другие департаменты. На деле же положение этих трех департаментов отличалось от департаментов метрополии потому, что, во-первых, управлял Алжиром генеральный губернатор, назначаемый Советом министров, а во-вторых, потому, что проживали в Алжире две категории граждан, которые имели неравные права.

С одной стороны – это были французы, наделенные широкими гражданскими правами. Они имели право участвовать во всех выборах, проходящих как в метрополии, так и в Алжире. На деле эти алжирские французы, численность которых составляла чуть больше миллиона, «были продуктом многовекового смешения не только французов, но и выходцев из других стран Средиземноморья, преимущественно итальянцев и испанцев, а также из Германии и Швейцарии, расселившихся в регионе во время французской колонизации». К ним примыкали еще 130 тыс. евреев, ощущавших себя полностью французами. Со временем алжирских французов стали называть «черноногие»¹⁷. В офи-

¹⁷ Появление названия «черноногие» (*pieds-noirs*) датируется 1952 г. и географически связано с марокканским городом Каабланка. Там группа молодежи из квартала Маарив, почитателей американского кино и организаторов манифестаций против национализма выбрала это самонаименование по аналогии с названиями племен американских индейцев. Затем его подхватила местная пресса, далее с помощью прессы метрополии слово пересекло алжирско-марокканскую границу и с 1955–1956 гг. вошло в употребление для обозначения французских алжирцев. Но тогда они не восприняли это название, и оно считалось оскорбительным. Лишь после предоставления независимости Алжиру и массового исхода французских алжирцев во Францию в 1962 г. они сами окрестили себя черноногими, чтобы подчеркнуть свою специфику по сравнению

циальных французских документах периода алжирской войны эту группу населения Алжира называли «французы европейского происхождения», тогда как другую, представленную более чем 9 млн мусульман, лишенных к тому же политических прав – «французы североафриканского происхождения». Помимо официальной терминологии, в быту представителей второй группы алжирского населения именовали «аборигены», «мусульмане» или «арабы».

Безусловно, европейцы и мусульмане контактировали между собой, но только не в личной сфере, что дало право в 1958 г. молодому тогда социологу П. Бурдье назвать сложившееся в Алжире общество кастовым, а французов – представителями высшей касты. В 1947 г. Национальная Ассамблея проголосовала за новый статут Алжира, который несколько улучшил положение мусульманского населения, хотя неравенства не устранил. Согласно статуту, в Алжире создавалась выборная смешанная Ассамблея в составе 120 депутатов с весьма ограниченными полномочиями, особенно в области финансов. Причем 9 миллионов мусульман выбирали 60 депутатов, то есть столько же, сколько миллион французов. На муниципальных выборах 1947 г. от мусульманской общины успеха добился Революционный комитет за единство и действие (РКЕД), преобразованный вскоре после начала войны в Алжире во Фронт национального освобождения Алжира (ФНО), известный стремлением к независимости Алжира. Однако французские власти грубо фальсифицировали результаты выборов, и от мусульманской общины в Ассамблею прошли всего 9 представителей от ФНО и 8 от более умеренного Демократического союза за Манифест Алжира (ДСМА), лидером которого в то время был Ф.Аббас.

Махинации с выборами не остались незамеченными и подогревали рост национального самосознания ал-

как с алжирцами, так и с французами из метрополии. Подробнее см. об этом: *Baussant M.* 2002, 396-411.

жирских мусульман. Во Франции в проявлениях национального движения в Алжире видели лишь национализм и не замечали его связи с общим процессом послевоенной деколонизации в мире. Поэтому дальше уступок уровня 1947 г. ни одно последующее правительство Четвертой республики идти не желало. Когда 1 ноября 1954 г. в Алжире вспыхнуло восстание, тогдашний министр внутренних дел и будущий президент Пятой республики Ф. Миттеран отреагировал сразу же и довольно жестко, проведя многочисленные аресты повстанцев и отказавшись от каких бы то ни было переговоров с ними. Выступая 12 ноября в Национальной Ассамблее в унисон с премьер-министром П. Мендес-Франсом, он произнес фразу, ставшую сакраментальной для французских колониалистов: «Алжир – это Франция»¹⁸.

Поначалу правительству ситуация казалась не такой уж угрожающей, так как ФНО, поднявший восстание в День поминовения усопших, не имел в 1954 г. широкого признания и его действия не одобрялись большинством лидеров алжирских националистов. Поэтому оно считало для себя нецелесообразным предпринимать переговоры с такой неустойчивой силой. В то же время власти в метрополии были убеждены в том, что «акция 1 ноября свидетельствует о болезни Алжира, лечение которой возможно путем реформ». С этой целью в январе 1955 г. в Алжир был назначен новый генерал-губернатор – Ж. Сустель, слывший либералом, способным понять незападное мышление (он был этнологом). Окруженный командой либералов, Ж. Сустель приехал в Алжир, где его очень плохо встретили европейские колонисты, сомневающиеся в успехе реформ, зато его присутствие породило большие надежды у арабской знати, таких как Ф. Аббас и А. Франсис. Колонисты Алжира не желали видеть в стране Сустеля, поэтому 5 февраля 1955 г. спровоцировали падение кабинета П. Мендес-Франса,

¹⁸ Journal Officiel. Assemblée Nationale. Débats parlementaires. 1954. P. 4961, 4967.

но его преемник Э. Фор усилил политику репрессий против ФНО, ввел там чрезвычайное положение в июне 1955 г. и по-прежнему не допускал никакой возможности переговоров с повстанцами. При обсуждении в Национальной Ассамблее вопроса о предоставлении ему чрезвычайных полномочий по Алжиру, он провозгласил, что «Алжирского государства не существует». Его активно поддержал президент Франции Р. Коти, заявив: «В Алжире Родина в борьбе и опасности»¹⁹. Э. Фор обещал добиваться постепенной политической интеграции Алжира и метрополии, при которой примирятся и будут уважаться религиозные и культурные различия.

На деле ситуация в Алжире становилась все более напряженной, алжирские «французы европейского происхождения», требовали от правительства более решительных действий по «наведению порядка в Алжире». Уже при Э. Форе в европейской коллегии Алжирской Ассамблеи раздавались голоса «против политики оставления» и «слабости» правительства, осуждались «ошибки парижан» и «политическая интеграция» расценивалась как преждевременная. Главу правительства следующей легислатуры – Республиканского фронта – социалиста Ги Молле, отправившегося 6 февраля 1956 г. с визитом в Алжир, там попросту закидали помидорами. Тогда в марте 1956 г. он тоже добился от Национальной Ассамблеи специальных полномочий по алжирской политике. А с 11 апреля 1956 г. его правительство приступило к эскалации алжирской войны, начав регулярную отправку туда призывников. Практически, все поколение молодых французов в возрасте двадцати лет в период 1955–1962 гг. участвовало в войне, получив название «поколение горцев».

С другой стороны, радикализировалась алжирская община. Группа 61 депутата мусульманской коллегии в

¹⁹ Journal Officiel. Assemblée Nationale... 1955. P.1768.

Ассамблее заявила, что идея политической интеграции Алжира устарела. Начались жестокости с обеих сторон. Так, 20–21 августа 1955 г. на севере Константины повстанцы истребили 72 французов и 51 алжирца, не согласных с мятежниками. В ответ французы убили 1 237 ни в чем не повинных арабов. В целом Франция потеряла в Алжире около 25 тыс. призывников.

Наряду с усилением военного присутствия в Алжире с февраля 1956 г. все правительства Четвертой республики повели мощную кампанию в защиту идеи французского Алжира в средствах массовой информации. Например, Ги Молле в радиопередаче 26 марта 1956 г. высказывал твердое убеждение в том, что «нет Франции без Алжира так же, как Алжира без Франции»²⁰.

Тем не менее, именно в годы Республиканского фронта стало очевидно, что тот общенациональный консенсус по алжирскому вопросу, который сложился в стране еще в XIX в. и не вызывал сомнений у французов в 1954 г., исчерпал себя. Война в Алжире все более отчетливо приобретала характер не франко-алжирской, а франко-французской, раскалывая общество на две части: антиколониалистов и ультраколониалистов (или сокращенно – «ультра»). Первые ратовали за открытие немедленных переговоров с повстанцами, включая ФНО, тогда как вторые считали, что принадлежность Алжира Франции не подлежит обсуждению. Защищая французский Алжир, последние провозглашали себя сторонниками «единства и неделимости Республики», а также уповали на то, что эта защита – последний шанс Франции сохранить свое величие в условиях нарастающей мощи США.

Магистральная линия развития ситуации шла по двум направлениям: с одной стороны, постепенно со-

²⁰ Цит. по: *La guerre d'Algérie et les français...* P.16.

кращался лагерь сторонников французского Алжира, что, в свою очередь, толкало оставшихся в нем на отчаянные действия в условиях растущей маргинализации их в обществе. Ж. Сустель создал «Союз за спасение и обновление французского Алжира», целью которого было «объединение всех французов, желающих бороться против пораженчества и духа оставления Алжира независимо от вероисповедания и политических взглядов»²¹. Формально этот союз объявил себя неполитической организацией. В марте 1957 г. он опубликовал данные о своих членах, где значились имена более 200 парламентариев, высших чиновников, промышленников, преподавателей университетов, генералитета, церковнослужителей.

Следует подчеркнуть еще два важных обстоятельства: в 1956 г. во Франции никто не помышлял о независимости Алжира, и среди политиков за переговоры с алжирцами в основном высказывались представители левых сил. В авангарде шла ФКП, которая одной из первых поддержала лозунг независимости Алжира. В июне этого года депутаты-коммунисты воздержались при голосовании по вопросу о доверии Ги Молле по алжирской политике. В июле состоялся XIV съезд компартии, на котором впервые была затронута алжирская война.

Социалистов алжирская война, как пишет французский историк М. Садун, заставила раздираться «между принципами, властью и исторической памятью»²². Объясняется создавшееся положение тем, что социалистическая доктрина обязывала партию выступать против колониализма, как орудия классового господства капитала. В то же время СФИО была сторонницей тезиса о том, что в условиях существования колоний метрополия несет зависимым территориям блага цивилизации, что позволит им в нужный час добиться статуса суверенных

²¹ Benamon G.-M. 2003, 52.

²² Ibid. 142.

государств. Поэтому социалисты враждебно относились к алжирскому национализму, считая его движением ретроградным, подавляющим, угрожающим независимости индивида, свободе и равенству по сравнению со светской и гуманистической миссией французских колонистов. Между тем на съезде летом 1956 г. единство противников независимости Алжира было нарушено, и небольшая группа делегатов, увидевшая наличие алжирской нации и признаки алжирского государства, выдвинула идею федерализма. Таким образом, как пишет Ж.-Ф. Сиринелли, в СФИО произошло «короткое замыкание» во взаимоотношениях «поколения Ги Молле» и «алжирского поколения»²³. Однако руководство партии твердо отстаивало идею французского Алжира. В этой связи уже упомянутый М. Садун, а также другой видный французский историк Ж. Жюльяр пишут о личной ответственности руководителя СФИО Ги Молле за развязывание войны в Алжире.

В течение 1957–1958 гг. лагерь антиколониалистов пополнился за счет некоторых представителей партий центра – радикалов и МРП. Хотя тут надо сделать оговорку о том, что побудительным мотивом их присоединения к этому лагерю была критика лишь методов алжирской политики правительства Ги Молле. Тон критике задал, как это ни парадоксально, П. Мендес-Франс, правительство которого развязало войну. Однако уже в мае 1956 г. он начал выступать по-иному. Добровольно покинув правительство Республиканского фронта по причине несогласия с его алжирской политикой, он заявлял, что одновременно с «мерами по восстановлению порядка и обеспечению защиты интересов французских граждан» в Алжире должны проводиться «административные, экономические, социальные и культурные реформы»²⁴. В октябре 1956 г., на съезде, в партии произошел раскол, против-

²³ *Sirinelli J.-F.* 1991, 20.

²⁴ *Mendès-France P.* 1986, 466-468.

ники П. Мендес-Франса – «радикалы-моллетисты» – сгруппировались вокруг А. Мориса, яркого «ультра». Мендесисты же будут критиковать алжирскую политику всех последующих правительств Республиканского фронта вплоть до падения Четвертой республики.

Менее драматично развивалась ситуация в «главном творце колониальной политики IV Республики» Народно-республиканской партии (МРП), лидеры которой, такие как Ж. Бидо, Ж. Летурно, А. Кост-Флоре, олицетворяли собой позицию силы в Алжире». Тем не менее к 1956 г. часть народных республиканцев, опасавшихся быть втянутыми в Алжире в авантюру подобную Индокитаю, объединилась вокруг П. Пфлимлена и выступила за политические меры, предложенные П. Мендес-Франсом.

Единственной партией, у которой идея защиты французского Алжира силой не вызывала никаких сомнений, был Национальный центр независимых и крестьян (НЦНК). Его руководители: генеральный секретарь Р. Дюше, А. Пинэ, П. Рейно и др., а также рядовые члены традиционного связывали защиту Империи с мощью Франции.

Однако, принимая во внимание утверждение Ш.-Р. Ажерона о том, что «алжирская война была в первую очередь войной политической, в которой решающую роль сыграли не военные операции»²⁵, надо добавить, что заглавную партию в борьбе против этой войны сыграли не политики, а общественное мнение, застрельщиком которого выступила французская интеллигенция. Известные французские специалисты по истории интеллектуальной элиты Ж.-Ф. Сиринелли и Ж.-П. Риу справедливо подчеркивают, что для нее война в Алжире стала «ключевым моментом», своеобразным «золотым веком, одновременно ускорявшим или тормозившим развитие интеллектуального мира», «глубоко задевавшим принципы идентификации целого поколения» и «вызвавшим поворот в истории алжирской вой-

²⁵ *Ageron Ch.-R.* 1990, 34.

ны»²⁶. Ж.-Ф. Сиринелли прослеживает в действиях интеллектуальной элиты как стремление избавиться от «мюнхенского синдрома» молчания с ее стороны, так и ощущение «эффекта Сопротивления», означавшего для противников войны борьбу за свободу, а для сторонников – борьбу за независимость Франции в Алжире²⁷. Один из активных участников событий тех лет Л. Шварц так оценивает значение ее протеста против алжирской войны: «Интеллектуалы были все известны в тот момент. Мы делали историю. Мы переосмысливали события и заставили французов высказаться»²⁸.

Первая информация о сплочении интеллигенции прозвучала в 1955 г. на страницах газеты «Ле Монд», в которой говорилось, что «многие объединяются в комитет действий против продолжения войны в Северной Африке»²⁹. В том же году возникло несколько комитетов борьбы за мир в Алжире, таких как «кружок Жансона», «Комитет действий интеллигенции против продолжения алжирской войны» и др. В январе 1956 г. в зале Ваграм в Париже состоялся грандиозный митинг, организованный последним, на котором А. Мандуз приветствовал «сопротивление алжирцев», а Ж.-П. Сартр заявил о том, что «колониализм находится на пути к гибели» и задача интеллигенции «помочь ему» в этом деле, чтобы «освободить и алжирцев, и французов от колониальной тирании»³⁰. С 1956 г. развернулась широкая кампания протеста против войны в прессе, на страницах таких изданий, как «Ле Монд», «Ле Тан модерн», «Эспри», «Франс-Обсерватер», «Экспресс», «Темуаньяж кретьен», «Пари-Мач». На страницах последнего в этом году впервые прозвучало слово «война» по отношению к Алжиру.

²⁶ La guerre d'Algérie et les intellectuels français ... 1991. 21-22.

²⁷ *Sirinelli J.-F.* 1991, 25.

²⁸ Цит. по: *Sirinelli J.-F.*, 1991, 212.

²⁹ *Le Monde*, 6-7 novembre 1955.

³⁰ Цит. по: *Sirinelli J.-F.* 1991, 276.

Символами борьбы пера против алжирской войны стали издательства «Минюи», «Сей» и «Масперо». Последнее было специально создано для этой цели и прославилось тем, что первым в 1961 г. опубликовало книгу «Проклятые миром» основоположника теории «негритюда», идеолога борьбы против колониализма и разрыва с Западом Ф. Фанона, врача-психиатра мартиниканского происхождения, вставшего на сторону ФНО с 1956 г. Предисловие к книге написал не менее именитый теоретик, один из основоположников философии экзистенциализма Ж.-П. Сартр. С начала 1957 г. в печати стали регулярно появляться сведения о пытках, применяемых французской армией в Алжире. «Бомбой замедленного действия» стали книги-свидетельства молодых призывников, основателя журнала «Экспресс» Ж.-Ж. Серван-Шрейбера и П.-А. Симона. Разоблачительными фотографиями отличился журнал «Пари-Мач». Этот журнал подвергся самой жесткой цензуре со стороны правительств IV Республики. Его публикации по праву можно считать бесценным учебником по новейшей истории, потому что тогда, в середине 50-х гг. XX в., редакция собрала информацию об алжирской войне в серии документальных фильмов под названием «Актуальные события и документы для школьников» и ежегодных фотоальбомов под названием «История сегодня»³¹.

Знаковым событием в истории борьбы интеллектуальной элиты против алжирской войны стала публикация в 1958 г. издательством «Минюи» книги А. Аллега, члена алжирской компартии, некогда редактора журнала «Республиканский Алжир», под названием «Вопрос». В ней автор, сам подвергшийся пыткам, не только рассказывает, но и размышляет о пытках, что в конечном итоге заставило интеллигенцию задуматься не

³¹ *Chominot M.* 2004, 316.

«столько о французской армии, прибегавшей к пыткам, сколько об общественной системе, их допустившей»³².

Практика пыток не только поднимала вопрос о неспособности властей умиротворить ситуацию в Алжире, но и ставила под сомнение правовую основу республиканского государства. Среди представителей интеллектуальной элиты, осудившей алжирскую войну, находились маститые писатели и ученые: Ж.-П. Сартр, Ф. Мориак, Р. Арон, С. де Бовуар, Ж.-М. Доменак, Ж. Кокто, П. Видаль-Наке, Ж. Жюльяр, А. Марру и др. Правительства Четвёртой республики неоднократно прибегали к санкциям против наиболее активных разоблачителей войны среди интеллигенции. Например, в начале апреля 1956 г. был арестован молодой журналист «Экспресс» К. Бурде за передовицу, где содержался протест против отправки контингента в Алжир, полиция устроила обыск на квартире у профессора А. Марру. Из-за свирепствования цензуры параллельно общеизвестным национальным изданиям для разоблачения алжирской войны создавались новые издания. Назовем некоторые из них: «Свидетельства и документы», первый номер которого вышел в июне 1958 г.; «Справедливость, свобода», печатавшийся нелегально; «Во имя справедливости, новое Сопротивление».

Однако следует отметить, что интеллектуальная элита выступала против алжирской войны, руководствуясь разными принципами. Характеризуя их, французские специалисты до сих пор опираются на классификацию, предложенную Р. Жирарде. Он разделил антиколониалистскую интеллектуальную элиту на четыре категории: революционно настроенную типа Ж.-П. Сартра; выразительницу морального протеста дрейфусаровского типа, например, П. Видаль-Наке; замкнутую в духе шовинизма на собственных интересах, в пределах француз-

³² Цит. по: La guerre d'Algérie et les intellectuels... 226, 238.

ского географического пространства и носительницу голлистской идеи национального величия³³. К тому же особенно затронула алжирская война левую интеллектуальную элиту, разделив ее, по оценке П. Видаль-Наке, на «большевиков, дрейфусаров и тьермондистов»³⁴. Сам он настолько ненавидел Ги Молле, что открыто признавался, что выпил шампанского, узнав о его смерти. С 1956 г. началась, по определению Ж.-Ф. Сириелли, «война петиций» в рядах самой интеллигенции, которая, как он полагает, заложила основы для будущего раскола левых политических сил во Франции и создала предпосылки для роста «новой националистической правой». В этом году противопоставление позиций шло по линии «переговоры» или «замирение», а позднее дебаты перекинулись в сторону сохранения французского Алжира или предоставления ему независимости.

Кульминация разразилась в 1960 г., когда в газете «Ле Монд» появился «Манифест 121», в котором наряду с заявлениями о полной поддержке алжирского народа в борьбе за свободу содержался призыв к неповиновению французской армии³⁵. Противники этого «скандального манифеста», то есть сторонники французского Алжира, но все же осуждавшие действия правительства, издали свой «Манифест французских интеллектуалов», под которым значилось около 300 подписей, в том числе известного историка Р. Арона. В нем отстаивалась цивилизаторская миссия Франции в колониях, а авторы «Манифеста 121» резко осуждались, как подстрекатели к дезертирству и назвались алжирской «пятой колонной», стремящейся дискредитировать французскую армию³⁶. Следует подчеркнуть, что в «войне петиций» почти не участвовала коммунистическая интеллигенция. ФКП переживала «шок» от разоблачений культа личности в

³³ Girardet R. 1972, 298.

³⁴ La guerre d'Algérie et les intellectuels...P.193.

³⁵ *Le Monde*, 6 septembre 1960.

³⁶ *Le Carrefour*, 12 octobre 1960.

СССР и после «венгерского кризиса», начался отток ее членов, например, в 1956 г. покинул партию известный историк Ф. Фюре. По «тактическим соображениям» руководство компартии настаивало на том, чтобы ее члены не подписывали «Манифест 121», а тех немногих – Э. Пармелен, Э. Пиньона – за это едва не исключили из партии. Естественно, что и власти больше всех преследовали коммунистов, подозревая их в связи с алжирской компартией.

Говоря о роли интеллектуальной элиты в борьбе против Алжирской войны, следует отметить особую роль студенчества, в авангарде которого выступали союз студентов коммунистов ЮНЕФ и левонастроенные студенты-католики, объединенные в союз «Христианская студенческая молодежь». Борьба против алжирской войны стала первым опытом солидарных выступлений молодежи накануне студенческого Мая 1968 г. Она формировала молодежь как силу политическую. Как пишут французские исследователи, «если в США формирующую роль играли Элвис Пресли и группа «Битлз», то во Франции эта задача решалась на съездах ЮНЕФ. Кроме того, в недрах студенческого движения за мир в Алжире закладывались основы «тьермондизма» и зарождалось не только новое левое некоммунистическое движение, но и «антимоллетистский социализм», группировавшийся вокруг М.Рокара.

К концу Четвертой республики алжирская война все больше тревожила рядовых граждан. С 1956 г. начались манифестации протеста, которые устраивали как призывники, так и молодежь, ФКП, прокоммунистический профсоюз ВКТ, Движение сторонников мира. В этом году они затронули 36 департаментов. Появились случаи дезертирства из армии. Всего из 1 млн 200 тыс. солдат за войну дезертировало 500 человек. На всю страну прогремело «дело» молодого призывника А. Лиешти, заключенного в тюрьму за отказ поехать в Алжир.

Отношение общества к алжирской войне резко изменилось после того, как 13 мая 1958 г. «ультра»,

поддержанные армией, подняли в Алжире мятеж, который вскоре перекинулся во Францию. Как известно, путчисты первыми выдвинули идею возвращения де Голля к власти, далее ее подхватили политики в метрополии, затем ненадолго де Голль стал последним премьер-министром Четвертой республики, а вскоре положил ей конец, добившись на референдуме в сентябре 1958 г. одобрения 79,25% соотечественников плана создания новой Пятой республики и став ее первым президентом.

Против де Голля выступили лишь коммунисты и несколько представителей левых сил, в том числе П. Мендес-Франс и Ф. Миттеран, потому что не одобряли условия его прихода к власти. Но все же в июне 1958 г. 55% французов полагало, что армия сыграла полезную роль во время путча и 42% – что Алжир останется французским еще лет десять. Спустя год, каждый пятый житель Франции отмечал, однако, что ситуация в Алжире ухудшилась и впервые 71% из них желал переговоров о прекращении огня, и алжирский вопрос переместился с 6-го на 2-е место по степени важности³⁷. Французские исследователи подчеркивают также, что из-за алжирской войны «между 1956–1958 гг. Франция превратилась в «больного человека» на Западе и оказалась почти в полной международной изоляции.

Между тем, как пишет Ш.-Р. Ажерон, де Голль давно понял, что «Алжир отцов умер, а кто этого не осознал, умрет вместе с ним, и теперь ему осталось только убедить в этом французов, алжирцев и ООН»³⁸. На это у него ушло чуть больше четырех лет: с 1 июня 1958 г. – момента вручения ему инвеституры на формирование правительства – и до референдума 8 апреля 1962 г., предоставившего независимость Алжиру. Примечательно также, что де Голль никогда не говорил, что Алжир – это Франция.

³⁷ *Sondages*. 1958, №2. P.2; 1959, №1. P.4; №2. P.3.

³⁸ *Ageron Ch.-R.* 1990, 31.

Решив начать действовать на местах, де Голль совершил за это время 25 вояжей по метрополии и выступил в 84 департаментах. Весьма знаменательным стало посещение де Голлем уже в качестве президента в 1959 г. Алжира, где, заслушав обе части населения, он произнес свою знаменитую фразу: «Я вас понял», – породив тем самым надежду у ультра на то, что власти новой Республики будут до конца сражаться за французский Алжир, а у алжирских повстанцев, напротив, веру в скорое освобождение от французов. Политические события развивались затем стремительно. Вскоре после возвращения из Алжира, во время визитов 24 и 26 сентября соответственно в Булонь-сюр-Мер и Камбре де Голль высказался за предоставление самоопределения Алжиру, предложив обсудить этот вопрос на референдуме.

С этого момента обстановка во Франции еще больше накалилась, теперь из сторонников французского Алжира возникла оппозиция де Голлю. Оппозиционные взгляды выражали и многие соратники президента по вновь созданной им в Пятой республике партии Союз в защиту республики (ЮНР), в том числе и его премьер-министр М.Дебре. Антиголлистская оппозиция поставила французов перед сложной проблемой выбора: или де Голль, или французский Алжир. Большинство простых граждан Франции не желало скатываться на позиции ультра. Между тем в алжирских департаментах ситуация складывалась иначе. Там французы считали себя преданными де Голлем, некоторые политики призывали армию выступить против президента Республики, среди военного руководства нашлись генералы, готовые взять на себя ответственность: Массю, Салан и др. 24 января – 1 февраля 1960 г. ультра провели в Алжире «неделю баррикад», протестуя против парижских властей. Де Голль назвал эти действия «наихудшим ударом по Франции», добился их прекращения, значительно укрепив тем самым свой авторитет в стране. 69% французов назвали «неделю баррикад» заговором, 14% - простыми

уличными манифестациями, а в целом президента поддержали в феврале 1960 г. 75% граждан³⁹.

Выступления алжирских французов вызвали негодование жителей метрополии. Поэтому, когда де Голль вынес 8 января 1961 г. вопрос о самоопределении Алжира на референдум, 75,26% жителей метрополии поддержали своего президента, тогда как 72% алжирских французов сказали ему «нет»⁴⁰.

Однако чем большее число французов поддерживало политику де Голля в Алжире, тем яростнее противодействовали ей ультра. Крайне правые сторонники французского Алжира образовали в феврале 1961 г. «Секретную вооруженную организацию» (ОАС), дав ей такое название специально, по аналогии с «Секретной армией военных Виши» (АС), существовавшей в годы оккупации Франции гитлеровцами. Летом 1962 г., когда Алжир уже обрел независимость, но оасовцы продолжали бороться с де Голлем, они в знак издевки над главой Французского Сопротивления добавили к названию приставку «Национальный Совет Сопротивления» (НСС), превратившись в ОАС-НСС, и, более того, сделали ее председателем Ж. Бидо, сменившего в годы войны на посту председателя НСС национального героя Франции Ж. Мулена. В Алжире и метрополии у ОАС поначалу было немало симпатизирующих, особенно из числа алжирских французов, испытавших шок от идеи самоопределения Алжира и ощущавших себя брошенными президентом. Оасовцы устроили неудавшийся путч в Алжире 22 апреля 1961 г., организовывали массу покушений в метрополии и в Алжире, в том числе неоднократно покушались на де Голля. Пик их террористической деятельности приходится на весну 1962 г., в разгар переговоров о предоставлении независимости Алжиру, проходивших в Эвиане.

³⁹ *Sondages*, 1961, №2. P. 5.

⁴⁰ *Ibid.*

В действительности, как показывают опросы, действия оасовцев только прибавили популярности политике де Голля. 30% граждан, например, требовали смертной казни путчистам, в январе 1962 г. 53% их не выражало солидарности с французскими алжирцами. А на референдуме 8 апреля 90,7% соотечественников одобрили своего президента и высказались за предоставление независимости Алжиру⁴¹. Результаты референдума по Эвианским соглашениям французские исследователи метко называют «кульминационным моментом галлоцентризма»⁴², а перу одного из них – Г.-М. Бенамона – принадлежит красноречивое сравнение роли Алжира в истории Франции – «французская Атлантида»⁴³.

После предоставления независимости Алжиру оттуда начался исход «черноногих». Во Францию вернулось 800 тыс. репатриантов, для которых начался весьма трудный период адаптации к своей стране. К тому же жители метрополии не очень радушно встречали своих сограждан. Согласно опросам, в августе 1961 г. большинство французов, было убеждено в невозможности для них оставаться в Алжире, но при этом 69% респондентов отказывались платить лишние налоги на их вспомоществование. Особенно тяжело складывалась судьба так называемых «арки» (по-французски *harkis*), то есть алжирцев-мусульман, находившихся на службе во французской армии. История их долгое время оставалась табуированной во Франции и лишь недавно стала предметом специального изучения⁴⁴.

Следует отметить также, что, если «режим Виши», хотя и не совсем адекватно, но всё же интерпретировался во Франции сразу после его падения, то с отношением к алжирской войне ситуация оказалась гораздо более

⁴¹ Ibid. 1962, №2. P.3-5.

⁴² Ageron Ch.-R. 1990, 34.

⁴³ Benamon G.-M. 2003, 55.

⁴⁴ Hatoutou M., Abderahmen M. 2004.

сложной. С одной стороны, мы видим, что интеллигенция страны активно содействовала её окончанию. С другой – после окончания эту проблему исследователи старались больше не затрагивать. До 1983 г. алжирскую войну вообще не преподавали в школах Франции.

Актуализация проблемы алжирской войны началась в последней четверти XX века, когда известный французский социолог Режиc Дебре, близкий к тогда уже президенту Ф. Миттерану, предложил переосмыслить её и вписать в глобальный контекст взаимоотношений ближневосточного и средиземноморского мусульманского мира с европейским. Прошло ещё более чем десять лет до того, как на выступление Р. Дебре откликнулись правящие круги Франции. Сближение двух стран в политическом плане началось при следующем президенте Пятой республики – Ж. Шираке, а именно: с визита в 1999 г. в Алжир министра иностранных дел Юбера Ведрина. Позже состоялись визиты вновь избранного алжирского президента Абдельазиза Бутефлики во Францию в июне 2000 г. и Жака Ширака в Алжир в декабре 2001 г., в марте 2003 г. и в апреле 2004 г. после переизбрания Бутефлики. Началось потепление двусторонних отношений, была даже подписана декларация «об особом партнерстве». Однако заключению договора о дружбе тогда мешало требование Алжира официального покаяния со стороны Франции.

Одновременно с политическими жестами «зачили перья» французские исследователи. Вышли в свет монографии разоблачительного характера. В частности, уже упоминавшийся выше в связи с интерпретацией режима Виши М. Ферро написал «Чёрную книгу колониализма»⁴⁵.

В результате 11 июня 2004 г. парламент Франции принял закон, в котором французская нация признавала

⁴⁵ *Ferro M.* 2003. См. так же: *Baussant M.* 2002; *Les hommes et les femmes en guerre d'Algérie.* 2003; *Benamon G.-M.* 2003; *Hamoutou M., Abderahmen M.* 2004.

заслуги «арки», а 27 февраля 2005 г. посол Франции в Алжире назвал в своей речи «непростительную трагедию в Сетифе»⁴⁶. Вместе с тем, после того как в этом же году во французские учебники внесли тезис о «позитивном моменте в колониальной политике», франко-алжирское потепление заморозилось.

Наконец, нынешний президент Франции Ф. Олланд 19–20 декабря 2012 г. посетил Алжир. Выступая 20 декабря перед алжирскими парламентариями, Ф. Олланд говорил о страданиях алжирского народа от колониализма, упомянул, что «бойня в Сетифе, Гелме и Херрате глубоко запала в историческую память и сознание алжирцев» и подчеркнул, что «колониальная система несправедлива и жестока»⁴⁷. Тем не менее слов покаяния со стороны Франции произнесено не было и на этот раз. Глава французского государства всячески подчеркивал, что приехал ради будущего. Таким образом, можно ли полагать, что во французском обществе полностью исчезли отголоски этой «франко-французской войны»? Думается, что на сегодняшний день положительного ответа дать на поставленный вопрос нельзя.

Подводя итоги, хотелось бы прежде всего подчеркнуть, что французский опыт интерпретации «болезненных тем» своей национальной истории весьма полезен для исследователей. Знакомство с ним заставляет историков задуматься над рядом важнейших проблем,

⁴⁶ Это событие случилось в Алжире 8 мая 1945 г. В местечке Сетиф во время праздничной манифестации по случаю победы молодой алжирский юноша поднял алжирский флаг и был застрелен французским полицейским. Событие дало толчок массовым волнениям по всему Алжиру, в частности в Гелме и Херрате, во время которых погибло множество мусульман. По поводу жертв цифры до сих пор разнятся: французские историки сейчас называют цифру убитых 8 тыс. и пострадавших – 15 тыс. А долгое время власти Франции называли цифру чуть больше 1 тыс. и вообще не признавали ответственности своей за эту расправу.

⁴⁷ *Le Monde*, 21 decembre 2012.

существующих в мировом историческом пространстве. К их числу можно отнести такие, как преподавание «трудных тем» по истории в школе, вписывание их в учебники, а в более широком аспекте – воспитание патриотизма у подрастающего поколения, но и в то же время способности критически мыслить и взвешенно переоценивать прошлое. Кроме того, это касается вопроса о роли интеллигенции в общественной жизни, её возможности высказываться, а главное – быть услышанной и понятой политиками. Наконец, нельзя не задаться вопросом экзистенциального порядка, а именно: сколько времени должно пройти, прежде чем станет возможным более беспристрастно переосмыслить прошлое. Думается, что время от времени каждой стране полезно посмотреться в зеркало истории.

Литература

- Journal Officiel. Assemblée Nationale. Débats parlementaires. 1954; 1955. P.
- Le Carrefour*, 12 octobre 1960.
- Le Monde*, 6-7 novembre 1955; 6 septembre 1960; 21 décembre 2012.
- Mendès-France P.* 1986: Œuvres complètes. Vol. 3. Gouverner, c'est choisir. P.
- Sondages*, 1958, №2; 1959, №1, №2; 1961, №2; 1962, №2.
- 1940, la débâcle et l'espoir // *Le Monde hors-série*. 2010. P.3-95.
- Ageron Ch-R.* 1990: L'opinion française à travers les sondages // *La guerre d'Algérie et les français / J-P.Rioux (s.l.d.) P.*, 148-169.
- Aron R.* 1954: Histoire de Vichy. 1940-1944. P.
- Azéma J-P.* 1995: 1938-1948. L'Année de tourmente // *De Munich à Prague: dictionnaire critique J-P.Azéma, F.Bédarida (s.l.d.) P.*,
- Azema J-P.* 1993: Le régime de Vichy // *La France des années noires / Azema J-P., Bédarida F. (s.l.d.) P.*, 22-43.
- Azema J-P.* 2012: Vichy-Paris, les collaborations. Histoire et mémoire. P.
- Azema J-P.* 1975: La Collaboration: 1940-1944. P.
- Azema J-P.* 1990: 1940, l'année terrible. P.
- Azema J-P.* 2010: 1940, l'année noir. P.
- Azema J-P.* 2012: Vichy-Paris, les collaborations. Histoire et mémoire. P.
- Azema J-P., Wiewiorka O.* 1997: Vichy, 1940-1944. P.
- Azema J-P.* 2011: L'Occupation expliquée à mon petit-fils. P.

- Baussant M.* 2002: Pieds-Noirs, Mémoires d'exil. P.
- Benamon G-M.* 2003: Un mensonge français. Retour sur la guerre d'Algérie. P.
- Chominot M.* 2004: Le "film" de la guerre d'Algérie dans l'hebdomadaire illustré *Paris Match* (novembre 1954 – juillet 1956) // La guerre d'Algérie. 1954-2004. La fin de l'amnésie / Harbi M., Stora B. (s.l.d.) P., 251-319.
- Delarue J.* 2013: Trafics et crimes sous l'Occupation. P.
- Ferro M.* 2003: Le Livre noir du colonialisme. P.
- Ferro M.* 2013: Pétain en vérité. P.
- Girardet R.* 1972: L'idée coloniale en France de 1871 à 1962. P.
- Hamoumou M., Abderahmen M.* 2004: L'histoire des harkis et Français musulmans: la fin d'un tabou? // La guerre d'Algérie. 1954-2004. La fin de l'amnésie / M. Harbi, B. Stora (s.l.d.). P., 317-340.
- Laborie P.* 1990: L'Opinion française sous Vichy. P.
- La guerre d'Algérie et les français. 1990: J-P.Rioux (s.l.d.). P.
- Les hommes et les femmes en guerre d'Algérie. 2003: J-Ch. Jauffret (s.l.d.). P.
- Paxton R.* 1973: La France de Vichy. P.
- Vergez-Chaignon B.* 2008: Les vichisto-résistants de 1940 à nos jours. P.
- Sirinelli J.-F.* 1991: Les intellectuels français en guerre d'Algérie / La guerre d'Algérie et les intellectuels français J.-P. Rioux et J.-F. Sirinelli (s.l.d.). P., 210-247.
- Salat-Barroux F.* 2010: De Gaulle-Pétain. Le destin, la blessure, la leçon. P.
- Valode Ph.* 2013: Le livre noir de la Collaboration. P.
- Vichy et les français. 1992 / J.-P. Azema, F.Bédarida (s.l.d.). P.